

Из-за недавней смуты с демонами в Академии воцарилась тревожная, мнительная атмосфера. Ввели комендантский час, участились внезапные обыски в жилых комнатах, а патрули то и дело прочесывали рощицы в поисках затаившихся демонов. Демонов, разумеется, не обнаружили — ведь незадолго до этого всю территорию перерыли сверху донизу, — зато то и дело ловили зажимавшихся по углам влюбленных. Парочки прятались в зарослях, воркуя и милуясь, да так усердно, что двое старейшин из Зала Размышления над Заповедями в конце концов просто плюнули и бросили устраивать свои внезапные облавы — слишком уж часто они натыкались на чужие нежности.

Самому Залу Размышления над Заповедями до чужой любви дела не было, но слухи докатились до ушей высокочтимых старых консерваторов. В итоге господин Сюй половину занятия посвятил рассуждениям о том, что идущим по пути бессмертия надлежит оберегать чистоту помыслов, смирять страсти и отдавать все силы совершенствованию.

Стоял конец июня. Жарынь стояла невыносимая, и в ушах монотонным, нескончаемым зудом звенел настырный стрекот цикад.

Чэнь Ибай, сидевший бок о бок с Сэ Чанмином, придвинулся ближе и зашептал:

— Ну и тоска. Все учителя на один лад. Что у простых смертных, что у бессмертных — везде одна и та же волынка.

Он сокрушенно вздохнул:

— Эх...

А вздохнув, украдкой покосился на Сэ Чанмина. Взгляд у него был странный, виляющий, будто он порывался что-то спросить, но в последний момент прикусывал язык.

Сэ Чанмин и бровью не повел. Голова у Чэнь Ибая работала причудливо, его вечно одолевали дурацкие фантазии, и если бы Чанмин пытался вникать в каждую, у него просто не осталось бы времени на жизнь.

Занятие навевало непреодолимую дремоту.

Лишь перед самым колоколом господин Сюй наконец свернул свои поучения. Лениво обмахиваясь веером, он неторопливо произнес:

— Все, что я вам тут вещал — лишь официальные наставления свыше. Послушали — и будет, близко к сердцу не принимайте. Уж не знаю, суждено ли кому-то из вас отыскать спутника на пути совершенствования, но коли отыщете — считайте, совершили благое дело.

Слушателям в зале едва исполнилось по полтора десятка лет — золотая пора юношеского

упрямства и задора. В глубине души они были согласны с учителем, но из чистого желания поспорить кто-то из учеников не выдержал и звонко возразил:

— Позвольте, учитель, с чего бы вдруг? Почтенные старейшины Академии в один голос твердят, что любовь — это либо морок плотских желаний, затмевающий разум, либо источник сердечных ран и пустой скорби. В любом случае для самосовершенствования это лишь помеха. Как же это может быть благим делом?

Господин Сюй никогда не пресекал споров и не любил давить авторитетом. Услышав это, он лишь снисходительно усмехнулся:

— Вот потому у этих почтенных старейшин и нет пары. А у тех, у кого она есть, разве найдется время читать вам нотации?

Класс покатился со смеху.

Господин Сюй качнул головой:

— Однодневный гриб не ведает о смене дня и ночи, летняя цикада не знает весеннего тепла и осенней прохлады. Полнота жизни кроется не в поиске Дао и не в обретении спутника. Она — в вашем собственном сердце.

— Срывай цветок, пока цветет... Не жди, пока увянет плод, чтоб ветку голую ломать. Вот и вся мудрость.

Последние слова он произнес совсем тихо. Они утонули в басовитом гуле колокола, возвестившего о конце урока, и вряд ли хоть кто-то из учеников сумел их расслышать.

Чэнь Ибай точно пропустил все мимо ушей. Он уже всю тормозил соседа:

— Брат Сэ, а ты сам думал когда-нибудь, с кем бы поделил свой путь? Какую спутницу — или спутника — ты бы хотел видеть рядом?

— Я думал, ты приехал сюда усердно постигать Дао, — отозвался Сэ Чанмин.

Чэнь Ибай грустно покачал головой:

— Когда я был совсем малым, на мою семью обрушилась беда. Все сгинули, я один уцелел. Меня подобрали из Школы Десяти Тысяч Дхарм. Повезло еще, что у меня обнаружился хоть какой-то талант к культивации, иначе меня бы просто пустили на человеческие пилюли. Я до сих пор не могу взять в толк, как те добрые, улыбчивые старейшины...

Он осекся и резко перескочил на другую мысль:

— В общем, поначалу я взялся за культивацию просто от страха смерти. Искал бессмертия. Ведь из всей родни выжил только я один, и если бы я помер, наш род окончательно бы угас. Но теперь я порой думаю: если рядом никого нет, если ты кругом один... Ну какая радость в вечной жизни? Тоска ведь смертная.

— Что скажешь, брат Сэ?

Сэ Чанмин на мгновение задумался.

Он прожил на этом свете почти сотню лет, но так и не привязался ни к одному человеку, и уж тем более никто не делил с ним предначертанный путь.

Первые пятнадцать лет своей первой жизни он помнил смутно. Потом съел тот странный плод, проспал три года, а очнувшись, подобрал раненую птицу. Несколько лет они прожили в шумном, суматошном согласии, а потом началась бесконечная череда побегов и погонь. Но на его плече неизменно дремала птица, и, наверное, поэтому долгие скитания никогда не казались ему невыносимой обузой.

Во второй жизни все его время поглотила месть и отчаянные поиски своей птицы. Ему некогда было любоваться величием гор и бескрайностью морей; он лишь проклинал бескрайние просторы четырех континентов за то, что в них так легко спрятать крошечное пернатое существо. Но даже тогда одиночество не угнетало его.

К настоящему дню Сэ Чанмин провел в одиночестве гораздо больше лет, чем бок о бок со своей птицей, но ему и в голову не приходило искать себе спутника среди людей. Он искал только её. Свою птицу.

И в этой жизни судьба вновь столкнула их.

Если вдуматься, во всем этом крылось какое-то странное недоразумение.

"В дешевых любовных романах подобные истории разворачивались по одному лекалу, — мысленно усмехнулся Сэ Чанмин. — Герои встречаются в юности, вверяют друг другу свои жизни — хотя, откровенно говоря, это Сэ Сяоци в одностороннем порядке спихнул заботу о своей шкуре на меня, — а спустя десяток-другой лет верный духовный зверь принимает человеческий облик и из благодарности предлагает хозяину руку, сердце и вечный союз на пути Дао".

Вот только суровая реальность заключалась в том, что Сэ Сяоци был редкостным бездельником и слабаком. Он и человеческий-то облик принять не мог, так что ожидать от него застенчивого обращения «хозяин», как в слезливых книжках, явно не приходилось.

Не о том он думает. Сэ Чанмин тряхнул головой, отгоняя нелепые мысли.

Похоже, глупость Чэнь Ибая оказалась заразной, раз уж он сам пустился в подобные бредни. Если уж и пытаться определить их связь со Сяо Тумао, то это была чистейшая, глубокая отцовская любовь.

Разве что отцом он стал рановато.

Сэ Чанмин быстро вернул себе обычное хладнокровие, но, слегка раздосадованный собственными мыслями, решил перевалить вину на излишне болтливого друга.

— Совместный ритуал обручения требует прорвы духовных камней, — приземлил он Чэнь Ибая. — На твоём месте я бы сначала заглянул в кошелек.

Чэнь Ибай вытаращил глаза:

— А?

Только-только парил в облаках — и на тебе, лицом в суровую грязь реальности. Неужели даже помечтать нельзя?

Так или иначе, пока действовал строгий запрет на ночные прогулки и хмельные пирушки, поветрие искать себе спутников жизни — или прикрываться совместной учебой, чтобы тайком ворковать по углам — лишь набирало обороты. Так продолжалось до тех пор, пока руководство Академии не объявило о начале регистрации на Собрание Сломленной Ветви. На все про все давалось лишь три дня, опоздавших регистрировать не собирались.

Стоило этой вести разлететься, как любовная лихорадка мигом пошла на спад. Более того, некоторые парочки, уже успевшие мысленно поклясться друг другу в вечной верности, умудрились подраться и в пух и прах рассориться, едва начав обсуждать, как им вести себя, если жребий столкнет их лицом к лицу на арене.

В первый день Сэ Чанмин получил весточку от господина Сюя, но даже не пошевелился.

Весь второй день он провел, натаскивая Шэн Лююя. Поскольку Чанмин сегодня был суровее обычного, маленькая птица рассердилась и принялась осыпать его бранью — впервые за долгое время, хотя ничего нового так и не изобрела.

Третий день Сэ Чанмин и вовсе начал с ленивого чтения досужих свитков. Лишь когда солнце перевалило за полдень, он наконец отложил книгу, прихватил нефритовую плашку ученика и

отправился к Павильону Бамбукового Островка, что высился на горе Дуоби.

Во Дворе Ясной Луны царил покой, нарушаемый лишь неумолчным хором цикад. Сэ Чанмин сменил три транспортных массива, прежде чем добрался до горы Дуоби. На дворе стоял вечер последнего дня подачи заявок; те, кто горел желанием участвовать в Собрании Сломленной Ветви, должны были зарегистрироваться давным-давно. Чанмин резонно полагал, что управится за пару минут, избежав сутолоки.

Как бы не так. Во внутреннем дворике Павильона Бамбукового Островка яблоку было негде упасть.

Пристроившись в хвосте толпы, Сэ Чанмин невольно прислушался к доносившемуся со всех сторон гомону.

— Брат Хэ, ты ведь божился, что близко к Собранию не подойдешь! Чего вдруг прибежал?

— Эх, взвесил все еще раз... Решил, что глупо упускать такую возможность. Пускай силенок у меня маловато, но хоть попытаюсь.

— Да ладно тебе скромничать! Твое мастерство сабли у всех на слуху, тебе сам бог велел блеснуть на турнире.

— А сам-то? Помню, ты с самого начала рвался в бой, почему до последнего дня тянул?

— Да ну... В Академии столько истинных гениев, я просто побоялся опозориться у всех на виду. Кое-как набрался храбрости к вечеру третьего дня, вот и приплелся.

Хватала и других: кого-то пинками пригнали наставники; чья-то пассия вздыхала по прошлым победителям турнира, вынуждая ревнивого ухажера лезть на рожон, дабы доказать свою доблесть; а кто-то, точь-в-точь как Сэ Чанмин, надеялся проскочить без очереди под самый занавес. У каждого нашлась своя уважительная причина явиться именно сегодня, из-за чего тихий павильон превратился в растревоженный улей. Стоило толпе разрастись, как началась неразбериха.

Наконец один из старших учеников, стоявший на ступенях у входа, не выдержал царившей суматохи. Набрав в грудь побольше воздуха, он зычно крикнул на весь двор:

— Младшие братья и сестры, слушайте мою команду! Разойдитесь по обе стороны от меня! Слева строятся ученики Весеннего сезона, справа — Летнего. Старшие братья из Осеннего сезона, проявите благородство, уступите дорогу смене. Обождите немного в сторонке, запишем вас сразу вслед за младшими. Внутри каждого сезона делитесь на очереди по своим наставникам!

Стоило внести хоть какой-то порядок, как толкотня улеглась.

Сэ Чанмин пораспрашивал соседей и без труда отыскал цепочку учеников господина Сюя. Но стоило ему пристроиться в хвост, как к нему бодро направилась троица знакомых: Жуань Люся, Чэнь Ибай и Цун Юань.

Все четверо замерли, уставившись друг на друга в немом оцепенении.

Первой тишину нарушила Жуань Люся. Вскинув подбородок и сердито сверкнув глазами, она поспешила объясниться:

— И не думайте, будто я трусила и тянула до последнего, как эти недотепы! У меня просто дел было невпроворот все эти дни!

Она действительно собиралась зарегистрироваться в первый же день, но у Чжоу Сяоло в последнее время на душе было беспокойно. Та беспрестанно жаловалась на необъяснимую дурноту, и Жуань Люся разрывалась между заботой о подруге и визитами к шишу, пытаясь выведать причину недуга. Промаявшись несколько суток, она едва выкроила свободный час под конец регистрации.

Выговорившись, девушка скрестила руки на груди и подозрительно прищурилась:

— А вот вы хороши! Пока сидели в усадьбе, никто и словом не обмолвился, что собирается участвовать. Какими судьбами вас сюда принесло?

Ее колючий взгляд первым делом уперся в стоявшего напротив Чэнь Ибая.

Тот поспешно опустил глаза и, помявшись, пробурчал себе под нос:

— Ну пришел и пришел. Много будешь знать — скоро состаришься.

В свое время Чэнь Ибай учился в Школе Десяти Тысяч Дхарм, но после того как Сэ Чанмин спалил обитель дотла, парень три года перебивался сам по себе. Юный бродячий практик, не знающий толком никаких тайных техник, он так и застрял на стадии Возведения Основания. На Собрание он заявился лишь потому, что не смог устоять перед манящим званием победителя. Ему хотелось тихонько, без лишнего шума попытать счастья, оттого он и промолчал перед Чанмином. Срежется на первом же круге — никто и не заметит, можно будет сделать вид, что и близко к горе Дуоби не проходил.

Жуань Люся не стала допытываться и перевела взгляд на Цун Юаня. Тот был полудемоном — пугливым и тихим. Опасаясь разоблачения, он сознательно напускал на себя угрюмую холодность, сторонясь людей. Навряд ли такой нелюдим полез бы на турнир по доброй воле. Оставался лишь один очевидный вариант.

Сам Цун Юань отнекиваться не стал. После недавнего спора он окончательно махнул на себя рукой, а потому признался как на духу:

— Отец принудил. Сказал, коли не запишусь, могу на порог дома не показываться.

— Тряпка, — презрительно фыркнула Жуань Люся.

Напоследок ее взор устремился на Сэ Чанмина. Девушка язвительно хмыкнула:

— Ну а ты? Помнится, кто-то утверждал, будто эти состязания ему безразличны!

— Передумал, — невозмутимо отозвался Сэ Чанмин. — Разве это запрещено?

Возразить на это было решительно нечего. Жуань Люся лишь недовольно цокнула языком и отвернулась.

Стоило грозе утихнуть, как Чэнь Ибай мгновенно воспрянул духом. Позабыв о неловкости, он вновь весело защебетал, обращаясь к Чанмину:

— Кстати, брат Сэ, ты последнее время вечно где-то пропадаешь. В усадьбе тебя днем с огнем не сыщешь. Куда ходишь-то?

Цун Юань покосился на болтуна с искренним ужасом. В его глазах Сэ Чанмин выился грозным, непостижимым мастером, который по известным лишь ему причинам притворялся заурядным учеником. От таких личностей следовало держаться как можно дальше, а этот безумец лез к нему с расспросами! Жить надоело?

Сэ Чанмин уже приготовился отмахнуться дежурной фразой, но Чэнь Ибай, не дожидаясь ответа, заговорщицки зашептал:

— Помню, как ты задержался на прошлом уроке господина Сюя, прямо как пойманный на горячем воришка. Признавайся, бегал на свидания к какой-нибудь прекрасной деве?

Воистину, воображение Чэнь Ибая не знало преград.

— Глупости, — сухо отчеканил Сэ Чанмин.

Никаких дев он не ведал и уж тем более не крутил романов. Все это время он попросту вколачивал знания в упрямую голову одной пернатой бестии, которая в ответ лишь усердно его честила.

Чэнь Ибай смерил его подозрительным взглядом, но быстро понял, что признаний не дождется, и унялся.

Парень славился редкостной осведомленностью и обожал делиться слухами. Он принялся указывать на попадавшихся в толпе учеников, рассказывая, какими подвигами те прославились в своих родных кланах. Даже Жуань Люся невольно наострила уши.

Вдоволь наговорившись, Чэнь Ибай перешел на таинственный шепот:

— Однако среди всей этой братии самый высокий уровень — всего лишь Золотое Ядро. Говорят, великие ордена нарочно сдерживают продвижение талантливых преемников, заставляя их ковать прочную основу. Без этого сила уподобится замку на песке, а пошатнувшийся разум мигом перечеркнет все надежды на вознесение.

Из их четверки лишь Жуань Люся принадлежала к древнему благородному клану, а потому согласно кивнула:

— Все верно. Мой наставник говорил то же самое.

Чэнь Ибай, который вечно препирался с девушкой, неожиданно воодушевился ее одобрением и заговорил с еще большим жаром:

— Да, но ходят слухи, будто некоторые школы берегут лишь истинных гениев. Зато обделенных талантом учеников они пичкают снадобьями, насильно вытягивая их на стадию Золотого Ядра. Мол, пускай скорее берутся за черную работу на благо ордена.

При этих словах Чэнь Ибай понизил голос до едва различимого шелеста, оберегая тайну от чужих ушей.

Сэ Чанмин, доселе безучастный, внезапно повернулся к нему:

— Что за снадобья?

Чэнь Ибай невольно подобрался. По тону друга он почуял, что затронул нечто жизненно важное. Обычная сплетня вдруг обрела зловеющий вес, заставив его сглотнуть ком и заговорить со всей серьезностью:

— Сам я этого средства не видел, за достоверность не ручаюсь. Но старые бродяги поговаривали, будто существует особая пилюля. Примешь ее — и духовная сила начнет расти как на дрожжах, за считанные дни взлетая до небес. Вот только предел такой силе — Золотое Ядро. Выше подняться не выйдет до самой гробовой доски, ибо платой за мгновенный успех становится гибель разума. А ведь чтобы перешагнуть порог и взрастить Зарождающуюся Душу, практику необходимо держать ответ перед собственным Дао.

Сэ Чанмин застыл.

<http://bllate.org/book/18249/1750613>